

I

Тень от старой ветлы была ещё слишком короткой для того, чтобы вернулась бабушка. Вот когда тёмное щетинистое пятно доползёт до противоположной обочины (а лучше, накроет собой острый булыжник у соседского дома) — загрохочет за огородами старенький грузовик, прорисует пыльную полосу над дорогой и затормозит на перекрёстке. Не дожидаясь помощи шофёра, откинут створку кузова деревенские бабы, и, понося на чём свет стоит июльский зной и колхозные грядки, попрыгают вниз, да и заторопятся в разные стороны — хлопотать по хозяйству. Алька тогда непременно кинется к грузовику — встречать бабушку.

Понесётся так, что сандалии поспевают! Нырнёт в надёжное укрытие бабулиных рук, ткнётся носом в уютную ямку между грудью и животом и замрёт на минуту, вдыхая запах поля и разгоряченного тела... Но пока ещё слишком рано. Девочка сидела, прижавшись спиной к стволу, ломала сухие веточки, так чтобы получились ровные палочки, и складывала из них «сруб». На пятом венце, сруб непременно рассыпался, и работу приходилось начинать сначала.

Через два дома напротив, у самого перекрёстка, соседская бабка качала ребёнка. Малыш никак не укладывался спать, вихлялся и плакал. И чем громче он кричал, тем сильнее качала его старуха.

Екатерина Огарёва

— А-а-а-а-а-а-а-а! — надрывался малец.

— Аа-а! Аа-а! — настойчиво повторяла свой «успокоительный напев» соседка. Но внук расходился всё сильнее: молотил ногами и выворачивался из бабкиных рук. Вконец измотавшись, старуха спустила ребёнка на землю и в сердцах шлёпнула его по голому задку. Малыш не удержался на ногах, упал и разрыдался с новой силой. Но бабка лишь махнула рукой, перекинула через плечо пелёнку и, не оборачиваясь, заковыляла к крыльцу. Малыш, хоть и умел ходить, не переставая голосить, пополз

за бабушкой на четвереньках. Алька тоже зачем-то всхлипнула. Сама себе удивилась. И положила новый венец. Ей изо всех сил хотелось верить: как только она поставит крышу из коры, бабушка вернётся домой. В дорожной колее захлопал крыльями и загорланил петух.

— У-у-у, негодный! — погрозила ему кулаком Алька. — Чего тебе по двору не гуляется? Вот задавит кто-нибудь...

И будто в подтверждение её слов на дороге послышалось лёгкое шуршание — из-за поворота показался загорелый мальчишка на велосипеде. Петух ворчливо закудаhtал и поспешно (но всё же не так скоро, как если бы это была машина) ретировался в сторону дома. Дав два приветственных звонка, велосипедист мягко затормозил рядом с девочкой. Алька радостно вскочила, признав двоюродного брата.

— Санька! Привет!

— Здорово! А ты чего тут одна? Бабку ждёшь что ли?

— Да, наверное, уже недолго осталось...

— Э-э, нет! Они сегодня раньше четырёх не вернуться. Мать меня к отцу в бригаду гоняла. Там у них абзац полный, — Санька резко провел ребром ладони под подбородком (на манер отца). — Норму выполнить не успевают...

Увидев, что Алька сразу погрузилась, Санька смолк. Девочка вернулась на своё место под деревом и разом

смахнула свой «сруб».

— Ну, ты чего?

Мальчик бросил у дороги велосипед и уселся на траву рядом с сестрой.

— А дед-то где?

— Там! — Алька безучастно махнула рукой в сторону дома.

— А-а-а, понятно. «Загудел», значит.

Дети сидели под старой ветлой молча. Алька была слишком расстроена, чтобы говорить. А Санька усердно соображал, чем бы отвлечь сестру. Он знал, что ей — городской девчонке — в деревне одиноко. Родители наезжают редко — работают, а подруг завести не удалось. Слишком уж Алька от деревенской ребятни отличается: тихая, хрупкая, одета в новое — как только что из магазина — да и по-местному не понимает. Деревня-то мордовская. Дразнят её местные девчонки — верно, завидуют «городской» — Алька и ответить не может. Вот и выходит, что бабушка ей тут — самый близкий человек.

— А хочешь, поедem со мной на пруд? — неожиданно нашёлcя Санька.

Алька недоверчиво подняла на него глаза.

— Или Ведытя боишьcя?

Когда Алька с Санькой были поменьше, бабушка часто рассказывала им о разных божествах и духах. Водились они, в основном, по двое, не известно, как уживаясь. Лес делили коварная Вирява, способная спутать и завести в чащу, и мудрый Вирятя, знающий все звериные тропы. Старик-огонь Толатя появлялся

в кострах, бушевал в пожарах, а Толата лечила от ожогов и хранила печной огонь. Входом и выходом в дом распоряжались духи Кенкшата и Кенкшава, способные впустить беду или напороочить удачный путь. В воде хозяйничали Ведьява и Ведытя. Слушать бабушкины рассказы было страшно и интересно. Порой, заговорившись, она переходила на мордовский, но Алька не решалась перебивать — Санька потом перескажет. «Ведытя ведь всяко прикинуться может! Бывало, глядишь с берега — коряга плывет посреди реки. Вдруг как захохочет, перевернётся пузом кверху, плавниками по воде — шлёп! И сомом усатым на дно заляжет...» Жить в соседстве с такими тварями надлежало осторожно, с оглядкой на их непростой нрав: «Кудатя шума да сора в доме не жалует. Вот будешь вещи бросать — заиграет, запрячет. Выпрашивай потом, чтоб вернул... А Ведытя не любит, когда рыбу не в срок удят или в неурочный час воду мутят, шумят. Особо в полдень и ночью, когда ему отдыхать пора. Смутьяна в водоворот враз затащит, потопит. Может и так, для шутки, девку за ногу ухватить». Безопаснее всего было держаться бабушки — у неё ко всем был свой подход, своё «задабривание». Санька и Алька с благоговением взирали на то, как она в хмурый день машет по углам полынной веточкой, обмакнув её в родниковую воду, ставя хлеб, кивает кому-то в под-

печь¹, дует на речную воду, прежде чем пустить их, детей, купаться. Но, теперь уже было не то... Ещё прошлым летом, забравшись в подпечье за картошкой для тайного лесного костра, Санька оттуда насмешливо выл — пугал Альку. «Да разве ты не понимаешь, дурёха? — наставлял он сестру. — Это бабка нарочно придумала, чтобы мы без её догляду никуда не лазали, припасов не таскали. Вот увидишь — ни Толатя, ни Вирява меня не тронут...»

Признайся Алька, что всё ещё верит бабушкиным рассказам — и он осмеёт её, сочтёт «маленькой».

— Мне отпроситься не у кого...

— Ну, отпросись у деда! Он же дома.

— Нет уж, спасибо.

— Правильно, не буди лихо, пока оно тихо! — Санька засмеялся, довольный своей шуткой. А потом добавил:

— Ну, раз тебе надо отпроситься у старших, считай, что отпросилась у меня. Я ж тебя старше?

Алька довольно кивнула. Саньке было почти тринадцать. Он был рослым и крепким парнишкой, так что вполне тянул на роль старшего. До возвращения бабушки была ещё уйма времени. Деда в расчёт можно и не брать... а до чего же соблазнительно было проехаться по селу на багажнике Санькиного велика, как бы

незначай (для страховки) обнимая его за пояс. Деревенские девчонки просто лопнут от зависти! Алька сбегала домой за полотенцем и воткнула в дверную щёлочку веточку ветлы — условный замок...

II

На пруду было немногочисленно. Взрослые трудились на колхозном поле, а дети (те, что постарше) были заняты домашним хозяйством: кому досталось полоть к возвращению родителей грядки, кому — мыть в доме полы, а кому — ворошить на дворе сено... Удивительно, как это Саньке удалось слинять в такую пору?

Недалеко от берега, держась за огромный кусок пенопласта, купались две деревенские девчонки лет четырнадцати. Они лениво болтали ногами в тёмной воде, подставив солнцу мокрые покатые спины. Альке казалось, что купальщицы очень похожи на парочку неповоротливых моржей, которым никак не удаётся взгромоздиться на льдину из-за лишнего веса.

На пологом склоне, слева от захода в воду, расположилась компания повзрослее. Раздетый по пояс парень в камуфлированных штанах и голубом берете, сдвинутом на затылок, восседал верхом на мотоцикле и отлаживал звук приёмника, закреплённого на руле. А рядом, на пёстром покрывале, загорала девушка (судя по купальнику и причёске — городская).

— Это Мишка Сусловский... Он

¹ Пространство в нижней части печи, куда укладывались дрова для следующей топки, кухонная утварь, припасы.

на днях дембельнулся², — с явным уважением к парню пояснил Санька. Алька пожалала плечами и, отвернувшись от берега, направилась «на глубину». Плавать она толком не умела, поэтому, сделав с десяток подводных шагов, останавливалась и вновь разворачивалась лицом к берегу. Отсюда, с условной границы безопасности, начинался их с Санькой «урок».

— Ты руками воду вот так, посильнее межуй! — Санька делал амплитудное разводящее движение над водой, — Подбородок выше держи! А то воды хлебнёшь — будут потом через недельку в животе лягушки квакать!

Оттолкнувшись получше, Алька отрывалась от клейкого илистого дна, и раскрывала собранные в струнку руки, описывая два симметричных полукруга. Вода поддавалась туго, как густой кисель. Удерживала девочку пару секунд в горизонтальном положении, и потом вновь тянула за ноги вниз.

Альке эта игра нравилась. А вот Саньке «обучение» вскоре наскучило.

К воде, как попало побросав велосипеды, неслась ватага деревенских мальчишек — Санькиных приятелей. Ребята что-то наперебой кричали, явно спорили, и стекали к пруду единой клокочущей массой. «Прямо как отроившиеся пчёлы», — подумалось Альке. Внезапно от кучи мальчишек отделилось что-то большое, круглое и, подпрыгнув на трамплине высокой

кочки, плюхнулось в воду с глухим шлепком.

— Балло-о-он!³ — восторженно завопил Санька. Мальчишки наперегонки попрыгали в воду и, затащив непомерно раздутую камеру на глубину, стали попеременно прыгать с неё, как с плавучей платформы.

Санька сестру не оставил, но сделался разом серьёзнее и строже:

— Это тебе не на пенопласте плавать! Тут сноровка нужна. И характер. Гребни жёстче.

Алька, чувствовала, что ему нестерпимо хочется туда — к мальчишкам: распахивая пловцов локтями, пробиваться к баллону, вскарабкавшись, искать шаткий баланс на его скользких, лоснящихся боках, а после, оттолкнувшись (или потеряв равновесие), лететь в воду в самой причудливой позе.

— Сань, ты иди. Я пока сама немного потренируюсь.

Санька, будто бы ждавший этой фразы как спасительной команды к отступлению, тут же нырнул под воду и показался уже метрах в двух от сестры:

— Ты только на глубину не ходи! И плыви строго к берегу!

Алька послушно кивнула и сделала новую (всё ещё безуспешную) попытку удержаться на воде. Июльское полуденное солнце раскаляло землю. Жара висела над лугами с желтеющей травой зыбким маревом. И, будто, оз-

² Прекратить военную службу по демобилизации (военный жаргон).

³ Камера автомобильного колеса (жаргон).

верев от такой погоды, в воздухе злыми истребителями носились оводы. К пруду, как к спасительному оазису, медленно спускалось стадо. Когда, натужно мыча и отмахиваясь хвостами от кусачих мух, к краю пруда подтянулись коровы, зачавкали водой, затолкались пёстрыми боками, норвя поскорее напиться, показался и пастух. Он скинул посеревшие от пыли кирзовые сапоги, вошёл по колено в воду и стал умываться. В воздухе густо запахло навозом и кислым молоком. Альке такое соседство не понравилось. Брезгливо морщась, она заторопилась отойти подальше — как раз туда, где на берегу в тени мотоцикла отдыхала взрослая пара. Здесь, ещё не задетая купающимися вода была особенно чистой, слоистой. Верхний, прогретый солнцем пласт окутывал девочку до колен тёплым одеялом, а внизу по ногам приятным холодком сквозил затаившийся недалеко родник. Илистое дно податливо проседало при каждом шаге, и Альке казалось: кто-то осторожно охватывает её щиколотки мягкой прохладной рукой, но тут же игриво отпускает. Развернувшись к берегу, Алька поняла: если плыть прямо, то получится, будто метишь вклиниться третьим в замкнутое пространство пёстро покрывала. Ей бы и хотелось рассмотреть получше городскую девушку, но отчего-то казалось, что там, под прикрытием мотоцикла и надрывающегося приёмника, происходит что-то волнующее, взрослое, ей недосягаемое. Немного поразмыслив, Аль-

ка решила плыть наискосок — заодно и путь длиннее станет. Она оттолкнулась посильнее и уверенно рассекла воду руками сразу два раза подряд. Ободрённая таким успехом, девочка решила оттолкнуться ещё сильнее. Но не нашла опоры. Мигом осознав, что не достаёт дна, Алька резко дёрнулась вверх, хватаясь руками за зыбкую поверхность воды, и тут же провалилась вглубь. «Скорее, скорее наверх!» — стучало в Алькиной голове, — «Звать на помощь!» Но едва она вынырнула и открыла рот — в него тут же залилась вода. Алька снова пошла ко дну. Барахтаясь, что есть мочи, она рвалась наверх и беззвучно кричала, глотая воду. «Руку! Хотя бы вытянуть руку, чтобы заметили! Почему же никто не приходит на помощь? Санька! Бабушка! Мама-а-а!» Последний резкий рывок — пальцы ухватили горячий сухой воздух... и цепкие, прохладные руки решили больше не выпускать Алькиных щиколоток, настойчиво и плавно потянув вниз.

Алька больше не сопротивлялась. Вода сомкнулась над ней непроницаемой плёнкой, отмежевав от привычного шумного мира. Иссякло время, лишённое возможности куда-либо торопить. Исчезло пространство: девочка будто парила в невесомости. В толще воды мерцал полосами запечатанный в жидкое стекло свет. Внезапно Алька поняла, что больше не боится. Ей было спокойно и хорошо, будто кто-то большой и сильный качал её на руках, участливо гладил по голове и обещал, что ничего плохого

с ней больше не случится. Никогда, никогда...

— Господи, она же не дышит!!! Ну сделай же что-нибудь?

— Я — десантник, а не медсестра. Чё я теперь сделаю?

— Миша-а-а-а...

Голоса доносились откуда-то издалека, из забытого, потустороннего мира. Чуждое беспокойство, пробежав рябью по безмятежной поверхности воды, почти не задело Алькиного сознания. Но в следующий момент она ощутила резкий толчок в грудь, потом ещё и ещё. И тут же её лица коснулось что-то горячее, нестерпимо живое. Жгучий поток воздуха хлынул в глотку, и, достигнув невидимого дна, всколыхнул гибельный покой. Алька дёрнулась и надрывно закашляла. Вода отпускала её неохотно, но с каждым новым приступом вытекала ото всюду: изо рта, носа, ушей, слезящихся глаз...

Девушка-горожанка что есть мочи колотила её ладонью по спине и никак не могла остановиться. Парень в мокрых штанах и уже без берета, отвернувшись, курил в тени мотоцикла. А рядом, стоя на коленях, плакал Санька, размазывая илистую грязь по лицу.

III

Домой дети ехали молча. Алька больше не обнимала брата. Она сидела на багажнике прямо и смотрела на Санькину спину: под палящим

солнцем на рубашке всё уменьшалось и уменьшалось влажное клиновидное пятно. Брат всё ещё всхлипывал. Алька знала — его нужно пожалеть. Так, как жалеет взрослый ребёнок, несправедливо обиженного дворовыми приятелями или не справившегося с доверенным ему впервые важным делом. Но знание это, как масляная плёнка на поверхности воды, никак не могло проникнуть вглубь и вызвать нужное движение. Алькины волосы, расплетённые, мокрые, почти не шевелились от езды и свисали совсем по-русалочьи. Она нарочно не собирала их, стараясь отгородиться от излишне шумного и яркого мира. Но он всё равно с навязчивой заботой лез к ней в лицо, стараясь заглянуть в глаза, жужжал в уши: «Как ты?» Уже на повороте в проулок стало понятно: у Алькиного дома какая-то суета. Тревожно тарыхтел трактор, то и дело покрикивала бабушка, торопя в дорогу заспанного деда. Соседская старуха стояла под ветлой, на Алькином месте, и то ли сочувственно, то ли осуждающе качала головой. И лишь чуть поодаль, в дорожной колее, бодрый и не задетый всеобщим дурным предчувствием малыш пытался ухватить за хвост петуха. Санька слегка притормозил. Было видно, что он боится. Не бабушкиного или дедова гнева — собственного позорного бессилия перед лицом большой, пусть и не сбывшейся беды. Алька спрыгнула на землю и махнула брату рукой:

— Езжай!

Тот резко развернулся и вдарил по педалям, что было сил. Поехал в гору, к бригадам, самой крутой и ухабистой дорогой. Алька догадалась — на мальчишеский «полигон», крушить ломом отслужившие кузова. Заметив, наконец, детей, бабушка всплеснула руками и побежала по дороге навстречу.

— Вай... Аленька, доченем! Что ж это? Что?

К вечеру, хоть это была и не суббота, дед затопил баню. Соседей не звали. Алька с бабушкой пошли вдвоём, по сумеркам, как только та управилась с коровой. Едва переступив порог предбанника и поставив шайку с бельём на лавку, бабка принялась кланяться и что-то нашёптывать. Алька догадалась — молит Баяву о хорошем паре. В парной, пока бабушка хлопотала у печки — пропаривала на камнях веник, заговаривала огонь, Алька разбавляла в шайке кипяток. Наклонившись над бурым от ржавчины баком, она зачерпнула ковшем ключевой воды и замерла... Тёмная, ожившая от её касания поверхность, заговорила: поманила приблизиться, окунуть в свою прохладу лицо. Вспомнилась полуденная жара над прудом, холодок родника по ногам, запаянный в толщу воды свет и доверчивый покой непротивления чужой сильной воле... Подхватив Альку, бабушка скомандовала:

— Давай-ка, лезь на полати!

Алька послушно отправилась наверх. Подобрал ковш, бабушка плеснула на раскалённые камни — вода зашипела, вырвалась из печи густым паром.

— Ага! — обрадовалась она, — сейчас Толатя воду-то вмиг выпарит! И из тебя мы её выгоним.

Взяв распаренный веник, бабушка потрясла им над вытянувшейся на полатах Алькой, дала понюхать густой берёзовый запах и начала пáрить. Сначала касания веника были лёгкими, почти ласковыми, но сила их нарастала, становилась крепкой и хлёткой.

— Поворочáйся давай! — и ещё поддала пару.

Альке показалось, что бабушка на неё злится, наказывает за бегство на пруд, оттого и хлещет больно.

— Пятки давай! Чего дёргаешься? Щекотно? — бабушка рассмеялась и нарочно провела веником по Алькиным ступням. Она совсем раскраснелась, мокрые седые пряди, выбившись из косиц, липли к шее и щекам, сырая рубаха облепила живот и иссушённые ноги. Но, не смотря на жару, стояла бабушка прямо, во весь рост, и решительно потрясала веником. Алька подумала, что, наверно, вот так и должна выглядеть Баява. Наконец, растерев Альку с пяток до шеи и подержав веник на её голове, бабушка разрешила спуститься.

— Ну, дурную воду выгнали — живой окатим! Дед теперь нам с лесного родника привёз. Вядяву за тебя просил, за недогляд свой каялся.

Она вышла в предбанник, и, открыв входную дверь, крикнула деда. Алька почувствовала, как потянуло с улицы прохладой. Бабушка вернулась с ведром воды.

— Становись!

Девочка послушно вытянулась, отчего-то скрестив на груди руки, и зажмурилась. Ключевая студёная вода, на миг сковав тело, обдала жаром. Альке показалось, что она разом захлебнулась, провалилась на самое дно и, оттолкнувшись, выпрыгнула на берег. Хватая ртом воздух, она перепугано смотрела по сторонам

и трясла в воздухе руками.

— Ну-ну-ну... — бабушка уже накидывала на неё простыню и тянула в предбанник. — Очухалась, наконец.

Улеглись они вместе. Бабушка, и без того уставшая на работе, после бани совсем уморилась — спала теперь крепко и недвижимо, прихватывая воздух ртом. Алька чувствовала её запах — в нём смешивались раскалённое поле, сырой лес, печной жар — и присушивалась, как в ночной темноте шуршит по дому Кудатя.